

хорошо знакома журналисту канала «Russia Today» Д. Глуховскому [Кондратьева: электрон. ресурс].

Список литературы

Галина М. Фантастика/футурология. Мир без солнца [Электрон. ресурс] // Новый мир. – 2010. – № 8. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/8/ga21.html (дата обращения: 05.11.11).

Глуховский Д. Метро 2033 / Д. Глуховский. – М. : Популярная литература, 2008. – 400 с.

Глуховский Д. Ничего нового сейчас не происходит / Д. Глуховский // Октябрь. – 2008. – № 7. – С. 159-161.

Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века) / Е.Н. Ковтун. – М. : МГУ, 1999. – 308 с.

Колядич Т.М. Интертекстуальность – потребность времени или прием? / Т.М. Колядич // Литературная учеба. – 2011. – № 3. – С. 6-19.

Кондратьева Е. «Метро 2033», Д. Глуховский: Интервью [Электрон. ресурс] // Интернет-магазин «Лабиринт». – Режим доступа: <http://www.labirint.ru/news/2957/> (дата обращения: 05.11.11).

Ланин Б. Русская литературная антиутопия / Б. Ланин. – М. : МГУ, 1993. – 199 с.

Лотман Ю.М. Семиотика пространства / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии и культуры. – С. 386-463.

Сиротин С. Русская фантастика: кризис концептуальности / С. Сиротин // Октябрь. – 2009. – № 8. – С. 160-171.

Шеффер Ж.М. Что такое литературный жанр? / Ж.М. Шеффер; пер.с фр. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 192 с.

СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ А.И. КУПРИНА

А.Д. Черкасова

*Научный руководитель: Н.В. Пращерук,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Время Рождества и Святки – самое любимое время в году у большинства людей. Этот праздник любят и взрослые, и дети. В чудо верить хочется всем, поэтому так много надежд и ожиданий возлагается на Рождество. Многие авторы, начиная с Чарльза Диккенса, писали об этом времени года. И каждый рассказ необычен, наполнен волшебством и сказкой.

Необходимо прояснить методологию рождественского и святочного рассказа.

В западноевропейской и русской традиции понятия «рождественский» и «святочный» строго не различались [Душечкина

1995: 181]. Например, в подзаголовке «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса указано: «святочный рассказ». Хотя, если подходить строго, определенная разница в понятиях все же прослеживается. Святочный рассказ своими корнями восходит к русскому фольклорному жанру былички, короткого сказочного рассказа, якобы имевшего место, а рождественский – к западноевропейской традиции к творчеству Ч. Диккенса, являющегося классиком рождественского рассказа как жанра, «обязательным элементом которого является наличие в рассказе какого-либо сверхъестественного чуда, подобно тому, как с приходом в мир Богочеловека – Иисуса Христа чудо входит в жизнь каждого» [Душечкина 1995: 181].

Но если в святочном рассказе чудо не обязательно носит сверхъестественный характер, а чаще всего раскрывается как удачное стечение вполне жизненных обстоятельств, то в рождественском рассказе, как правило, имеют место мистические явления: привидения, духи и т.д., и чудо происходит непосредственно при участии потусторонних сил. Другими важнейшими элементами этой разновидности рассказа, как рождественского, так и святочного, являются приуроченность времени действия к зимнему праздничному циклу (Рождество, святки, Новый год) и набор постоянных мотивов: кроме рождественского чуда, это могут быть гадания, ряженья, сновидения и обязательное наличие в начале рассказа картины дисгармонии – это могут быть природные катаклизмы, конфликт в человеческих отношениях [Кучерская 1997: 21]. Большинство святочных рассказов начинается с описания несчастий героев, каких-то бед, но в итоге рассказ обязательно заканчивается чудом. Этот традиционный мотив святочного рассказа – борьба добра со злом – объясняется двойственной природой самих святок, рождественских дней. Считалось, что в это время нежить приходит на землю пугать христианский люд. Но Рождество – это и время чудес и проявлений милости Бога к людям. Это народное поверье природы святок находит свое отражение и в святочном рассказе.

В XX столетии, до того времени, когда святочный рассказ сформировался как жанр, в России к Рождеству издавались особые литературные сборники. Во всех газетах и журналах помещалось множество святочных материалов: сообщения о елках и маскарадах, объявления о выставках и продажах праздничных товаров, этнографические заметки о святках, стихотворения и рисунки на рождественскую тему и, непременно, особые рассказы.

«Таким образом, святочный рассказ был, прежде всего, формой массовой литературы. Однако к его становлению как жанра в России оказались причастны классики русской литературы: Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин и

др.» [Кучерская 1997: 28].

«Святочный рассказ характеризуется основными чертами:

- хронологическая приуроченность;
- наличие элемента чудесного;
- наличие рассказчика;
- наличие среди героев ребенка;
- наличие нравственного урока, морали» [Душечкина 1995: 190].

В XX веке в русской литературе появился целый ряд замечательных святочных произведений. Одним из них является рассказ Александра Ивановича Куприна «Тапер» (1901). Это рассказ-быль. В примечании автор отмечает, что фабула рассказа «Тапер» основана на действительном факте, сообщенном ему еще в 1885 г. в Москве знакомыми семьей Рудневых, о которых идет речь в рассказе [Куприн 2007: 581]. Фамилии и имена героев вымышлены, кроме одной – знаменитого русского пианиста и композитора Антона Григорьевича Рубинштейна. Но не он – главное действующее лицо рассказа, а маленький, бледный, в подержанном мундире четырнадцатилетний Юра Азагаров с тонкими одухотворенными чертами лица. Именно его в последний момент, т.к. все оркестры уже были разобраны по объявлению в газете, пригласили в качестве тапера на встречу Рождества в хлебосольное шумное московское семейство Рудневых. Внешний вид мальчика не вызывал особого оптимизма у присутствовавших на празднике: сможет ли такой маленький худенький мальчик весь вечер играть для собравшейся публики польки, вальсы, кадрили. Старшая дочь Рудневых Лидия высокомерно высказала сомнение в том, что мальчик вообще может что-либо толковое играть. Но, когда Юра Азагаров заиграл «Венскую рапсодию» – одно из самых трудных для исполнения музыкальных произведений, требующее высокого мастерства, – все поняли, что перед ними маленький музыкальный гений.

Только гений этот из бедной семьи, которая никогда не сможет накопить денег на музыкальное обучение мальчика. Да и пиджачок подростка, из которого он уже явно вырос, выдает в нем реалиста – учащегося реальной школы или училища, так что будущее Юры никак уж не будет связано с музыкой.

Но в рождественскую ночь чудеса случаются не только в сказках. На счастье Юры Азагарова, к Рудневым на встречу Рождества был приглашен сам Антон Григорьевич Рубинштейн, который очень внимательно слушал исполнение мальчика. Музыкант был настолько покорен виртуозной игрой подростка, что помог ему поступить в Московскую консерваторию и получить музыкальное образование. А маленький гений стал впоследствии известным всей России талантливым

композитором. Кто был этот талантливый мальчик? Куприн не назвал его имени. В конечном счете, не так уж это и важно.

Еще один рассказ Куприна «Чудесный доктор» также основан на реальных событиях: «Следующий рассказ не есть плод досужего вымысла. Все описанное мною действительно произошло в Киеве лет около тридцати тому назад и до сих пор свято, до мельчайших подробностей, сохраняется в преданиях того семейства, о котором пойдет речь. Я, с своей стороны, лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму» [Куприн 2007: 596]. Семья уволенного управляющего Мерцалова находится на грани смерти. Они живут в подвале, четверо маленьких его детей голодны, младшая дочь Машутка больна. Жена измождена холодом и несчастьями. В канун Рождества семья ищет хоть какую-нибудь возможность найти немного денег для того, чтобы купить лекарств дочери и облегчить ее состояние. Но никто не отзывается и не приходит им на помощь. Тогда Мерцалов уходит из подвала, говоря жене, что попробует найти еще денег, но его посещает мысль о самоубийстве. Ему мешает осуществить задуманное незнакомец, который решил в поздний час прогуляться по парку и насладиться зимним праздничным вечером.

Он выслушивает рассказ Мерцалова, ведет его обратно в подвал и делает все возможное для оказания помощи его семье. Он дает лекарство дочке, оставляет им денег и своим спокойствием вкладывает в их сердца надежду. Позднее они узнают, что чудесный доктор, который спас их, – знаменитый врач Пирогов. С этой встречи в семье Мерцаловых все наладилось. Отец находит работу, их дела улучшаются. Они всегда помнили и с благодарностью отзывались о человеке, который изменил всю их жизнь.

Рассказы однотипны. Истории в обоих основаны на реальных событиях. Но в документальности произошедшего, безусловно, присутствует элемент волшебства. Счастливое стечение обстоятельств не может быть простым объяснением этих событий, поскольку действительность происходящего поражает счастливым концом.

Стоит заметить, что в обоих рассказах помощь приходит от знаменитых людей того времени: в рассказе «Тапер» – композитор Рубинштейн, в рассказе «Чудесный доктор» – доктор Пирогов. Это говорит о том, что делать добро тем, кто нуждается в помощи, может и обычный человек, и влиятельный деятель. А в данном случае известные личности сотворили чудо для тех, кому нужна была помощь, – простых обычных людей.

В рассказах XIX века чудо совершается божественным вмешательством, высшие силы помогают герою получить нравственный урок или спасение. В рассказе «Мальчик у Христа на елке»

Ф.М. Достоевского замерзший, несчастный ребенок не просто умирает от холода, его забирает Бог, уносит на елку к другим детям, где светло, тепло и радостно [Копытцева 2003: 35].

Лесков в рассказе «Зверь» более неоднозначен в этом вопросе. Он вводит в решение конфликта не только вмешательство божественных сил, но и элемент морали, т.е., «проводит своего героя через трудный путь выбора и очищения, освобождения от злых предрассудков» [Видуэцкая 1961: 92]. Лесков дает понять читателю, что без желания стать лучше, без труда и работы над собой невозможно ни одно чудо. Человек сам должен хотеть быть лучше, только тогда вокруг начнут совершаться чудеса.

Куприн дает нам во многом иную модель восприятия святочного рассказа. Он воспроизводит реальные истории, которые уже из-за этого наполнены необычностью и волшебством. В рассказах нравственный урок не является очевидным, он заключается в самих поступках главных героев: доктора Пирогова и Рубинштейна. Есть лишь нити обстоятельств, которые завязываются вокруг одного человека и соединятся так, чтобы подарить ему новую надежду и обрести счастье. Рождество для этого – самое подходящее время. Уникальность этого праздника в том, что холод снаружи не позволяет замерзнуть человеку в сердце, даря ему тепло.

Список литературы

- Видуэцкая И.П.* Жанр рассказа в творчестве Н. С. Лескова / И.П. Видуэцкая // Науч. докл. высшей школы. Филол. науки. – 1961. – № 2. – С. 92.
- Душечкина Е.В.* Русский святочный рассказ. Становление жанра / Е.В. Душечкина. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 256 с.
- Копытцева Н.М.* Святочный рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» / Н.М. Копытцева // Литература в школе. – 2003. – № 5. – С. 35-36.
- Куприн А.И.* Поединок : повести. Рассказы. Статьи / А.И. Куприн. – М. : Эксмо, 2007. – 640 с.
- Кучерская М.А.* Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени / М.А. Кучерская. – М. : [б.и.], 1997.

ИСПОВЕДАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ В. ПЕЧЕРИНА И М. БАКУНИНА)

О.А. Слепцова

*Научный руководитель: Е.К. Созина,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Обращаясь к эпохе 1830-х гг., В.И. Тютча писал: «Возникновение интенции личной уединенности – это эпохальный слом общественного сознания» [Тютча 2001: 176]; теперь человек мыслит себя в качестве